

УДК 327

DOI: 10.24412/2686-9756-2026-2-124-129

Варвара Гацковская

История и память

В стремительно меняющемся мире, в условиях усложняющихся международных отношений обществоведы всё чаще обращаются к знаковым историческим событиям, уже послужившим поворотным моментом в истории стран и народов. Политика памяти тем временем занимает место в выстраиваемой новой идеологии. Примером обращения к прошлому может служить рецензируемая монография «Обладание прошлым. Вездесущность различных исторических нарративов в праве и политике» под редакцией А. Нюсбергер и П. Рейн-Фишер¹, которая представляет результат работы международного консорциума авторов на тему коллективной и исторической памяти в проекте «*Memocracy*». Особое внимание в книге уделяется тому, как право и политика памяти влияют на предотвращение нарушений прав человека и одновременно способствуют развитию авторитарных режимов. Исследование охватывает широкий круг теоретических подходов к конкретным страновым кейсам, рассматривающим политику памяти как инструмент внутренней и, что особенно ценно, — внешней политики.

В начале исследования концептуализируются основные исследовательские вопросы, на которые ориентированы последующие разделы монографии. Кроме того, политика памяти и связанная с ней законодательная деятельность актуализируются через обращение к проблемам роли памяти в связи с конфликтом России и Украины, войной Израиля

© Гацковская Варвара Александровна — младший научный сотрудник Отдела исследований Центральной и Восточной Европы ИЕ РАН. E-mail: gatskovskaya10@yandex.ru

1 Nußberger, A., Rhein-Fischer, P. (eds.) *Omnipresent History: Competing Historical Narratives in Law and Politics*. Berlin: Verfassungsbooks, 2025. 164 p.

с Палестиной и стремительным развитием довольно противоречивых дискуссий в Европе.

Первая часть монографии «Вездесущая история: конкурирующие исторические нарративы в праве и политике» охватывает исследования, посвященные мемориальным законам в Восточной и Западной Европе. Причем Европа в понимании авторов не ограничивается ЕС, а включает также Россию, Украину и Беларусь, которые анализируются в сравнительной перспективе. Во второй части представлены работы, рассматривающие специфику памяти и ее отдельные проявления в политическом популизме в нелиберальных государствах. В третьей части авторы прослеживают связь памяти и внешней политики и то, как исторические нарративы могут влиять на современное поведение на международной арене. Наконец, в завершающей части представлено осмысление теоретических подходов к памяти в цифровую эпоху.

В первой главе «Разнообразие правового управления памятью в Европе: оглядываясь на *“Memocracy”*» авторства А. Неколяк, П. Рейн-Фишер, М. М. Саровски и Д. Сагатетене в сравнительной перспективе рассматривается мемориальное законодательство в Германии, Эстонии, Литве, Латвии, Венгрии, Польше, России и на Украине. Главный вывод показывает, что представление о собственном и зарубежном тоталитаризме в коллективной памяти государств значительно различается. Авторы особенно выделяют Россию, чей подход совершенно не коррелируется с установками Совета Европы. Предложенные версии истории не могут служить общей основой для европейской памяти, однако, она может быть выстроена на основе исторического диалога так, чтобы сделать память транснациональной и памятью «в диалоге».

В работе У. Белавусо «Законы памяти и колониальное прошлое во Франции и Нидерландах: как правовые рамки формируют наследие колониализма» представлено сравнение подхода к колониальному и имперскому прошлому в Западной Европе. Во Франции мемориальное законодательство в периоды правления разных партий содержало противоположные взгляды на имперское прошлое. Однако, они широко оспаривались со стороны исторического и международного сообщества, поскольку единоличная ответственность Франции за работорговлю (без включения арабских стран), как и возможность применения к ней термина «геноцид» неоднозначно (как и рассмотрение исключительно позитивной роли колониализма). В Нидерландах же эти дискуссии менее актуальны, поскольку политика памяти не ограничивается столь жестко законодательством, а фокусируется на символических жестах (например, публичное принесение королем извинений за колониализм). Последний подход представляется более сбалансированной моделью политики памяти.

В исследовании «Конкурирующая виктимизация в Польше» А. Глищиньской-Грабиас представлен анализ польской виктимизации, которая при правлении партии «Право и Справедливость» (рассматриваемой автором как популистской) пытается заменить нарратив о еврейских жертвах (как со стороны нацистов, так и со стороны поляков). Эта «конкурентная виктимизация» встроена в мнемонический конституционализм с помощью мемориального законодательства, а также значительно влияет на польско-украинские отношения. Этот тезис автора крайне актуален сегодня, когда происходит прямой конфликт между президентом Польши К. Навроцким и президентом Украины В.А. Зеленским вокруг восприятия УПА².

Проблема недемократического использования памяти также рассматривается А. Петё на примере Венгрии в главе «Присвоение памяти: четыре причины, почему нелиберальная политика присвоила память о венгерской революции 1956 г.». Она демонстрирует, что исторический нарратив о восстании 1956 г. использовался как для легитимации антикоммунизма в новообразованных демократиях, так и правительством В. Орбана, ориентированным на Россию. В рамках изучения мест памяти о революции 1956 г., она делает вывод о том, что память о тех событиях всегда оставалась неоднозначной. Кроме того, она «присваивалась» консервативными политиками, хотя она постоянно была вызвана «снизу», а не шла от элит, что, тем не менее, не всегда так интерпретируется сегодня. Эта часть монографии, на наш взгляд, хотя и демонстрирует интересный кейс, тем не менее, не очень встроена в предлагаемую авторами монографии теоретическую рамку исследований памяти.

В работе П. Вермеерша «Вспоминая демократию: как белорусские «активисты-художники возвращают прошлое для построения будущего» рассматривается как память о прошлом (в том числе — о недавнем), проявляемая в творческом активизме, отражается на мобилизации общества для борьбы за демократию (даже если сейчас она не представляется возможной). Даже несмотря на мемориальную стратегию президента А.Г. Лукашенко, основанную на памяти о Великой Отечественной войне и связях с Россией, память о национальном освобождении (в 1918 г.) сохраняется активистами и, по мнению автора, может создать платформу для дальнейших политических изменений.

Часть «Балтийская политика послевоенной ответственности России», посвященная памяти и внешней политике, открывает работа М. Малксоо, описывающая, как исторические нарративы о «нацистской и «советской» оккупациях», влияют на современную внешнюю политику балтийских

стран. В наибольшей степени это проявляется в прямо отстаиваемой Латвией, Литвой и Эстонией политике привлечения к ответственности России за конфликт с Украиной. Страна́ми применялась «дипломатия с памятью» — стратегия дипломатической деятельности, которая использует прошлое для достижения целей на международной арене в будущем. Именно память о событиях XX в. и их идентификация с Украиной позволила им избежать дилеммы «мир против справедливости», с которой сталкивается политика сдерживания и ответственности для стран, якобы развязывающих агрессию.

М. В. Вессель в исследовании «Внешняя политика, основанная на памяти: как немецкая память сформировала взгляды на Россию и решение о поставках оружия на Украину» обращается к ситуации, когда память может служить «обузой». Память о Первой и Второй мировой войнах, дискурс о ней, напрямую оказывает влияние на внешнеполитические решения Германии — а именно, на ее поддержку Украины поставками вооружений. Долгое время политика памяти в Германии была ориентирована на недопустимость агрессии именно в отношении России (что основывалось на соотнесении ее с СССР), однако, сейчас, ответственность признается и перед Украиной. Кроме того, основной исторический дискурс Германии строится только вокруг признания вины за нацистские преступления и за Холокост. В то же время, в Центральной и Восточной Европе коллективная память сконструирована в связи с двумя режимами и их жертвами — нацистским и советским. Проблема поддержки Украины именно боеприпасами также трактуется в русле общего восприятия военного прошлого и своей вины. Однако, сегодня коллективная память вокруг ключевых событий — особенно, вокруг императива «Никогда больше» — становится более абстрактной. Это позволило одновременно признать Украину жертвой и одновременно начать оказывать ей военную поддержку.

М. Сидди в разделе «Политика забвения и внешняя политика» обращается к процессу забвения — то есть, проблеме замалчивания определенных исторических фактов — среди других инструментов политики памяти Италии — (ре)конструированию исторических нарративов и использованию «мест памяти». Первое применяется по отношению к роли Италии в войне и в колониальных преступлениях, второе и третье — к отдельным битвам, например, при Эль-Аламейне (1942 г.). Возможности реинтерпретации исторических событий и забвения об участии в ней на стороне гитлеровской Германии во многом стало возможно из-за отсутствия трибунала по итальянским преступлениям (по типу Токио и Нюрнберга), а также разногласий во время холодной войны. Кроме того, интерпретация колониального прошлого базируется на основе

данных архивов, которые принадлежали самим колонизаторам. В современной итальянской политике, по утверждению автора, возможности для этого присутствовали всегда, хотя наиболее проявились после прихода к власти Дж. Мелони.

Глава Т. Яссери «Машина памяти: как LLM-модели формируют наше коллективное прошлое», посвященная влиянию искусственного интеллекта на память открывает теоретическую часть монографии. Коллективная память в данном контексте понимается как социально сконструированный феномен, который позволяет сообществам интерпретировать прошлое и формировать основу для общей идентичности и культурной преемственности. Современные общества испытывают распад унифицированной и появление нескольких версий памяти, в том числе — и цифровых. Языковые модели хотя и создают возможность для изучения памяти, однако одновременно допускают некоторые риски. Во-первых, они формируют «стандартизированную» память, тогда как в реальности она может быть более диверсифицированной. Это создает иллюзию консенсуса и скрывает реальный плюрализм, который характерен для современных обществ, допускающих разные интерпретации истории.

В части В. Зверевой «Соединяющая и разделяющая память. Российские цифровые медиа в 2020-х гг.» рассматривается трансформация памяти в цифровую эпоху. В ней формируется особый вид памяти — «соединяющая». Это онлайн-память, возникающая и распространяющаяся с помощью цифровых технологий, создания цифровых архивов и взаимодействия пользователей. Однако, кроме объединения пользователей и создания нового индивидуального опыта взаимодействия с историей, цифровые технологии также формируют «разделяющую» память, т.е. фрагментированную, разобщенную память. Технологии меняют традиционную иерархичную модель воспроизводства памяти, позволяя индивидуальным пользователям создавать альтернативные версии интерпретации истории. Особенно это проявляется в случае попыток государства ограничить некоторые нарративы, которые, тем не менее, продолжают развиваться в цифровой среде.

В завершающей главе «Осмысляя воспоминания. Память как инструмент предотвращения насилия в офлайн и онлайн мире» А. Милошевич рассматривает одну из основных функций памяти — моральную. Мемориализация и обращение к прошлому с помощью символизма направлены на недопущение насилия. Однако, сегодня они в основном фокусируются на последствиях, а не на причинах насилия. На локальном уровне больше способствуют диалогу и сохранению памяти. Онлайн-технологии создают более современные и интерактивные инструменты мемориализации. Они

позволяют создать больше образовательных инструментов и взаимодействие между поколениями.

Таким образом, в исследовании освещаются проблемы роли и места политики памяти в современной внутренней и внешней политике и их развитие в цифровой среде. Однако, представленная монография не создает единого видения европейской политики и ее теоретической концептуализация, фокусируясь в основном на отдельных явлениях в конкретно изучаемых европейских государствах.

Тем не менее, результат исследования можно считать значимым вкладом в дискуссию о политике памяти. Рассматривая связь цифровизации, внутренней и внешней политики, авторы создают новые возможности для исследования процессов, связанных с конструированием коллективной памяти.